

Ф. А. Асадуллин¹

ОТ МОНОЛОГОВ К ДИАЛОГУ

Разговор о диалоге культур и цивилизаций, который был инициирован ученым сообществом Санкт-Петербурга и получил за прошедшие несколько лет заметный общественный и международный резонанс, стимулирует поиск все новых аспектов его осмысления. Одним из наиболее актуальных является формирование культуры диалога, то есть сознательной ориентации на взаимопонимание. Сегодня это стало целой отраслью гуманитарного знания и общественной деятельности ряда российских и международных организаций. В условиях глобализации — определяющего фактора современного мирового развития, человечество стремится, как показывает накопленный опыт предыдущих Чтений, сообща и консолидированно искать ответы на существующие ныне вызовы, связанные с сохранением среды обитания, борьбой с природными катаклизмами, продовольственным кризисом и просто выживанием человечества как биологического вида.

Мир становится мультикультурным, и у этого мира свои законы, отвергающие одномерное восприятие действительности и тем более «диктатуру» одной религиозной традиции или одного этноса над другими. Эпоха мононациональных и монорелигиозных государств, какими еще несколько десятилетий назад, например, оставались Саудовская Аравия или Греция, закончилась. На географической карте, условно говоря, «государственных заповедников» с моноэтническим и моноконфессиональным населением сегодня уже нет. В связи с этим формирование культуры диалога становится одним из базисных ценностных ориентиров как конкретно взятого социума, так и международного гражданского сообщества в целом. Если принять терминологию последней книги З. Бжезинского **The Choice: Global Domination or Global Leadership** в расширительном плане, в мировом сообществе в XXI веке должны восторжествовать ценности не «одностороннего доминирования», связанные, например, с христианоцентризмом в мировой политике и культуре, а «консенсусного лидерства», то есть коллективной заботы и ответственности людей с разными жизненными и мировоззренческими установками на основе толерантности. Такой подход имеет большие возможности расширить зоны глобального сотрудничества и одновременно пригасить очаги напряженности между представителями различных культурных и религиозных традиций.

Межнациональный аспект

В современной России, которая в своей многовековой истории никогда не переставала быть многонациональной страной, усилиями глав религиозных организаций при участии государства и активной поддержке интеллиген-

ции идет процесс осознанного стремления выработать некое общее поле гражданского взаимодействия, которое бы через деятельность национально-культурных автономий и национальных объединений формировало общую для всех народов страны единую российскую идентичность. В обществе все чаще можно услышать голоса, призывающие принять в качестве государственной национальной доктрины культурный плюрализм и отказаться от идеалов ассимиляции малых народов в плавильном тигле русской культуры. В условиях современного многокультурного общества ориентация на модель государственной монокультуры выглядит сегодня не только несостоятельной и утопичной, но и вредной. Когда в публичное пространство иногда с провокационными целями вбрасываются лозунги типа «Россия — для русских», это, как мне представляется, оскорбляет и унижает и самих русских людей, и тем более тех россиян, которые, исторически проживая в границах Российской Федерации, русскими по паспорту не являются. Возможно, организаторы телепроекта «Имя Россия», результаты которого были подведены в конце 2008 года, ставили иные цели, но выбор Александра Невского в качестве главного героя российской истории в этом смысле очень показателен. Один из самых популярных русских князей, с именем которого связываются победы над шведами и Тевтонским орденом, символизирует «диалогичный» характер российской государственности.

Знаменитая заповедь Александра Невского «крепить оборону на Западе и искать друзей на Востоке» — следствие известных обстоятельств его воспитания в Золотой Орде. Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский и Л. Н. Гумилев сообщают о факте братания Александра Невского с сыном хана Батгя — Сартаком, что выводило его в число ближайших родственников хана. Александр Невский, провозглашенный позднее Русской православной церковью святым, 11 лет (с 1252 г. и по день смерти) был верным союзником ордынских ханов (среди которых были и мусульмане, например Берке), подавляя любые антитатарские выступления. Надо думать, делал он это не против своей воли, а вполне осознанно, поскольку по матери был половцем, то есть имел с ордынцами общие тюркские корни.

Политика Александра Невского была направлена на вовлечение Северной Руси в единую систему государственного хозяйствования Золотой Орды, при нем были проведены первые переписи населения Суздальской и Новгородской земель, налажено свободное перемещение купцов, ремесленников и чиновников из южных улусов Золотой Орды в северные и наоборот. Не только Москва, но и вся Россия «обязана», — как говорил Н. М. Карамзин, — своим величием ханам». Эти страницы нашей общей истории, связанные с вызреванием российской государственности в лоне Золотой Орды, нужно не стыдливо замалчивать или в угоду старым идеологическим шаблонам искаженно преподносить как «борьбу с татарским игмом». Наоборот, в условиях многонационального общества факт тюрко-славянского двоемирия, воплощенный в личности Александра Невского, может служить примером того, как наши далекие предки на переломных

¹ Заведующий Отделом науки и связей с государственными службами РФ Московского муфтията, сопредседатель Информационно-аналитического центра Совета муфтиев России, шейх, кандидат филологических наук, заслуженный деятель культуры Республики Татарстан.

Автор около 100 научных работ по проблемам развития арабской культуры, истории ислама, мусульманского вероучения и по межрелигиозным отношениям. Основные труды: «Очерк истории ливийской литературы», «Новая и новейшая история Ливии» (в соавт.), раздел «Ислам» в «Энциклопедии для детей», «Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации», «Москва мусульманская».

поворотах истории умели договариваться и шли навстречу друг другу, вместе противостоя тевтонским рыцарям и другим внешним и внутренним врагам. В этом смысле образ Александра Невского, имеющий огромный консолидирующий потенциал, действительно, воплощает «имя России».

В условиях интенсивной иммиграции и острых вызовов в сфере межнациональных отношений, что объективно ведет к распаду общества на взаимоизолированные этнокультурные группы населения (такая тенденция по некоторым признакам сегодня прослеживается в крупных мегаполисах — Москве и Санкт-Петербурге), важно озобоиться разработкой и идеологическим оснащением «российского проекта». Условием интеграции внутри многонационального российского общества является одинаковая политическая лояльность к государству всех этносов страны. В этом смысле для сообщества людей, объединенных общением через русский язык и знанием общей для них русской культуры, лозунгом может быть только «Россия — для россиян».

Межрелигиозный аспект

Рубеж XX и XXI веков стал поворотным пунктом в развитии межрелигиозного сотрудничества, создав совершенно новые исторические условия для позиционирования каждого религиозного учения на основе духа открытости и одновременно верности своей духовной традиции. Сказанное прежде всего относится к монотеистическим религиям, между которыми сегодня активно развивается многоуровневый межрелигиозный диалог. Их главными вехами в России с точки зрения важности затрагиваемых проблем следует признать международные конференции «Ислам и христианство: на пути к диалогу». К 40-летию принятия Декларации *Nostra Aetate* (2005), «Ислам и иудаизм: перспективы диалога и сотрудничества» (2006) и Всемирный саммит религиозных лидеров (2006). Эти конференции, не обходя вниманием наличие теологических расхождений между верованиями, дали в то же время значительный импульс для углубления межрелигиозного сотрудничества на основе ряда взаимоприемлемых положений, касающихся, например, сферы социального служения, семейных ценностей, вопросов справедливого мироустройства, воспитания детей и молодежи на основе приоритета традиционных ценностей и т. д.

Необходимость развенчания мифов об «эндогенном радикализме», якобы присущем мусульманским народам в целом, а также многочисленные попытки демонизировать ислам в глазах мирового сообщества рождают в исламской богословской и шире — интеллектуальной среде новые современные интерпретации исламского вероучения (Фетхуллах Гюлен, Тарик Рамадан, Тауфик Ибрагим и др.). Ислам в силу своих вероучительных принципов исключительно в позитивном ключе относится к христианам и иудеям как представителям «людей Писания» — «Ахлю-ль-китаб».

Установка на конструктивный диалог между представителями трех версий единобожной традиции является одним из главных коранических императивов, о чем христиане и иудеи чаще всего даже не догадываются. Согласно Корану разнообразие в мире обусловлено самой Божь-

ей волей и Его мудростью. Как подчеркивается в аяте 30:22, различия людей в языках и цвете кожи суть «знамения Божии для людей разумеющих». По Корану, первоначально человечество составляло единую расу и духовную общину, но потом Богу было угодно их разделить как на племена и народы, так и по религии (2:213, 49:13). Это многообразие призвано стать источником не конфронтации и тем более не межнациональных и межрелигиозных распрей, а состязания в служении общечеловеческому благу.

Безусловно, живая практика межрелигиозного общения намного сложнее и одновременно богаче вероучительных положений каждой религии, но в качестве, возможно, новой парадигмы межрелигиозного диалога можно было бы предложить обсуждение, например, такой проблемы: «Коран — “Третий Завет”». Триада Ветхий Завет — Новый Завет — «Третий Завет», подчеркивающая духовную близость по праотцу единобожников Авраама (Ибрагима), дает новую перспективу понимания логики послания божественных откровений. В пользу такого подхода говорит то, что в Новом Завете нет никаких указаний на завершенность пророческих миссий.

Дискутируемая сегодня в обществе проблема совместности исламских норм с нормами других монотеистических религий имеет исключительно важное значение в плане формирования культуры диалога, в том числе в условиях российской действительности. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что из христианской среды постепенно уходят в Лету старые, идущие со времен Иоанна Дамаскина, идеологемы типа «ислам — христианская ересь» или его осовремененная версия: «ислам — это зловерие». Если на доктринальном уровне системный исламо-христианский диалог на Западе идет со II Ватиканского собора (1965), то в России он начался сравнительно недавно.

Послание Патриарха Алексия II 138 мусульманским богословам в апреле 2008 года с призывом «регулярно знакомиться с полнотой вероучения друг друга» и «внести ясность в понимание религиозных ценностей друг друга» означает, что церковь предлагает последователям ислама новую повестку дня обсуждения межрелигиозного сотрудничества. Такой подход разительно отличается от старых доктринальных установок, когда мусульманам России иерархами церкви еще несколько десятилетий назад навязывалась только одна парадигма их будущности — христианизация.

О признании духовной легитимности ислама (правда, с оговорками) сначала заговорили католики. В русском православии эта проблема впервые была поставлена священником о. Александром Менем, который, анализируя наследие Владимира Соловьева, пришел к признанию пророческой миссии Мухаммеда. Если в христианской среде в целом возобладают эти тенденции, то проблема формирования культуры диалога между представителями ислама и христианства обретет еще более ясные и понятные перспективы. Заявления Патриарха Кирилла после его избрания в начале 2009 года первосвященником Русской православной церкви о важности налаживания конструктивных отношений с приверженцами ислама дает на это надежду.